

Косиченко Е.Ф., Вовк М.В.

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НARRATIVE
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ДЖ. ДЖОЙСА «EVELINE»)[©]**

*Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Россия, Москва, ekosichenko@gmail.com, VovkMV@mpei.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к истолкованию основной темы рассказа Дж. Джойса «Eveline». Применение методов нарративного, лингвосемиотического, структурного и лингвистического анализа доказывает обоснованность всех проанализированных подходов. Важным этапом анализа является рассмотрение главного события и поступков персонажей сквозь призму художественного ономастикона. В результате проведенного исследования делается вывод, что, вступая в отношения семиотической дополнительности с другими элементами и единицами текста, имена собственные создают новые возможности для интерпретации центрального события, способствуя также раскрытию внутреннего конфликта главной героини.

Ключевые слова: нарратив; событие; художественный ономастикон; имя собственное; принцип дополнительности; интерпретация; открытый текст.

Поступила: 15.07.2024

Принята к печати: 17.09.2024

Kosichenko E.F., Vovk M.V.

**Onomastic analysis of literary narrative
(based on “Evelin” by J. Joyce)[©]**

*National Research University “Moscow Power Engineering Institute”,
Russia, Moscow, ekosichenko@gmail.com, VovkMV@mpei.ru*

Abstract. The article studies different approaches to interpreting the main theme of J. Joyce's story *Evelin*. Methods of narrative, linguo-semiotic, structural and linguistic analysis prove the validity of all points of view. An important step of analysis is consideration of the major event and the main characters' behaviour with regard to the literary onomasticon of the story. As a result, it is concluded that by interacting with each other all text elements and units complete each other in terms of meaning-making, thus creating conditions for new text interpretations and bringing to the surface the main character's inner conflict.

Keywords: narrative; event; literary onomasticon; proper name; complementary principle; interpretation; open text.

Received: 15.07.2024

Accepted: 17.09.2024

*I've put in so many enigmas and puzzles that it
will keep the professors busy for centuries
arguing over what I meant, and that's the only
way of insuring one's immortality.*

(J. Joyce)¹

Введение

Решение обратиться в данной статье к рассказу Дж. Джойса «Эвелин» и рассмотреть поступки главной героини сквозь призму используемых в этом рассказе имен собственных было продиктовано желанием авторов продемонстрировать на примере конкретного произведения художественной литературы, что при интерпретации так называемых «открытых» текстов анализ художественного ономастикона является важным дополнением к другим методам научного исследования и инструментом экспликации того, что скрыто от непосредственного наблюдения.

© Kosichenko E.F., Vovk M.V., 2025

¹ «Я загадал столько загадок и головоломок, что ученым потребуются века, чтобы разгадать, что же я имел в виду, и это единственный путь обеспечить бессмертие» (Дж. Джойс).

Рассказ «Evelin» относится к раннему периоду творчества Дж. Джойса. Он был впервые опубликован в сборнике «Дублинцы» (James Joyce *Dubliners*), объединившем короткие художественно-литературные зарисовки из жизни горожан первой половины прошлого столетия. Анализируя рассказ, филологи высказывают различные мнения относительно его темы, вопроса о наличии у главной героини прототипа, причин, удержавших ее от принятия, возможно, самого главного жизненного решения, в целом неоднозначно оценивая как идеальное содержание произведения, так и характеры персонажей (см., например: [Эко, 2006; Sarker 2017]). В связи с этим представляется интересным не только предложить еще одну интерпретацию рассказа, но и обосновать посредством подключения метода ономастического анализа возможность множественного толкования его содержания.

Актуальность предпринятого в рамках данной статьи исследования определяется необходимостью поиска новых подходов к анализу художественного нарратива посредством сочетания различных научных методов. Цель исследования – продемонстрировать способность имен собственных выступать средством интерпретации событий и художественных образов, а также способствовать выражению скрытых эмоциональных состояний героев. Исследование проводится в рамках нарративного подхода с использованием методов нарративного, структурного, лингвосемиотического и лингвистического (синтаксического, интертекстуального, контекстуального и ономастического) анализа, позволяющих выявить роль последовательности событий, культурных символов, грамматических конструкций, имен собственных и других элементов текста в раскрытии темы и экспликации душевного состояния главной героини. Объектом исследования выступают интерпретации рассказа Дж. Джойса «Эвелин», направленные на установление его основной темы и причин поступков главных героев. Предметом являются имена собственные как связующее звено между всеми элементами текста и основа для корректных истолкований темы рассказа. Научно-теоретическая значимость статьи состоит в том, что в ней обосновывается роль имени собственного как средства организации семиотического пространства художественного текста; продемонстрирована эффективность принципа дополнительности при анализе художественного нарратива.

Методология и методы исследования

Проводимое исследование осуществляется в русле нарративного подхода, что предполагает применение при работе с текстом не только нарративного метода его анализа, но также совокупности других научных методов, на чем следует остановиться более подробно.

Нарративный метод возник во второй половине XX в. в результате распространения идей постмодернизма и постструктурализма и вскоре стал активно использоваться в гуманитарных науках для анализа повествовательных форм с учетом последовательности излагаемых событий [Маслов, 2020; Селютина, Субботина, 2021; Глазкова, Чабыкина, 2022]. Применительно к художественным текстам на основе того, что вербализовано, прежде всего авторских описаний, диалогов персонажей, внутреннего монолога повествователя, метод позволяет увидеть то, что скрыто от непосредственного наблюдения, в частности эмоциональные переживания героев по поводу событий. При том что событие является основным элементом художественного нарратива, главное событие часто не эксплицировано в тексте, но может быть реконструировано из него.

Метод семиотического анализа применяется в данном исследовании для интерпретации культурных символов либо предметов и явлений, приобретающих в рассказе символическое значение, способствуя реализации его темы. Роль символов в создании художественных образов достаточно полно изучена и описана в научной литературе. Например, путешествие на поезде часто символизирует необходимость переосмыслиения жизненного пути [Мальцева, 2022]. Не менее важное место в каждой культуре занимают изображения птиц (подробнее см. [Птица как образ ..., 2019; Кудряшов, 2020]). Поскольку особую роль в выбранном нами для анализа рассказе играют образы моря и корабля, заметим, что вода передает разные символические значения в зависимости от культуры, характера источника (река, озеро, океан, др.) и его текущего состояния (бурлящее, замерзшее, спокойное, др.). Отмечается, что море может символизировать свободу и нежелание покориться судьбе, но часто репрезентирует идею жизни и смерти [Галимова, 2012]; символ корабля, который в христианстве транслирует идею спасения [Мадикова 2021], в культурах дохристианского периода, в частности у жителей российского и европейского севера

(поморов и викингов), связывался со смертью [Дударева, 2018; Rabiega, 2018].

Важную роль в рамках нарративного подхода играет метод структурного анализа, позволяющий рассмотреть роль отдельных элементов произведения (заглавия, начала и конца произведения, диалогов и внутренних монологов) в реализации его содержания, а также продемонстрировать, что, вступая во взаимодействие, разные элементы текста значительно расширяют его семантическое пространство. В этом контексте уместно сослаться на теорию «открытого» текста (текста, предполагающего множественность интерпретаций) У. Эко. Разбирая произведение Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», У. Эко пишет, что «от того, какой семантический (смысловый) выбор мы делаем в случае одной единицы текста, зависит наша интерпретация всех остальных его единиц <...> Главное средство для достижения этой всеобъемлющей многосмысленности – игра слов, каламбур <...>» [Эко, 2007, с. 96–97].

Важным этапом структурного анализа является лингвистический анализ, в ходе которого устанавливается роль стилистических приемов, грамматических конструкций и интертекстуальных связей (см. также [Kavalir, 2016; Kiparadze, 2012]), а также имен собственных в реализации содержания произведения и раскрытии внутреннего и внешнего конфликта.

Обсуждение и результаты

Рассказ «Эвелин» как предмет научного интереса

Наиболее известным исследователем творчества ирландского писателя первой половины XX в. Дж. Джойса является, на наш взгляд, итальянский лингвист, семиотик и литературный критик У. Эко. Посвятив творчеству Дж. Джойса целую книгу, У. Эко подчеркивал роль жизненных обстоятельств в творчестве писателя, особо отмечая его религиозное воспитание, увлеченность в юные годы сначала философскими взглядами Фомы Аквинского, затем творчеством норвежского драматурга, обличителя буржуазного общества Генрика Ибсена и, наконец, влияние Джордано Бруно, перевернувшего мир юного Дж. Джойса, в результате чего основной темой творчества писателя стала проблема силы человеческого духа. Важным этапом духовного становления самого Дж. Джойса считается отказ от католичества, что, однако, не мешало ему вновь и вновь воз-

вращаться в своем творчестве к проблеме места религии в жизни человека. Другим вопросом, занимавшим писателя и нашедшим отражение в его произведениях, был вопрос мироустройства и мирового порядка, упорядоченности всего как в жизни, так и в искусстве [Эко, 2006]. Обе названные проблемы получили осмысление в сборнике рассказов «Дублинцы» [Joyce, 1996].

Выбранный для анализа в свете сформулированной выше проблемы рассказ «Эвелин» (*Evelin*) представляет собой историю молодой женщины, в свои девятнадцать лет погрязшей в рутине и не нашедшей в себе сил преодолеть стереотипы, характерные для начала XX в., чтобы начать новую жизнь с Фрэнком, молодым моряком, предложившим ей замужество и пригласившим следовать за ним в далекий Буэнос-Айрес. Несмотря на желание выйти замуж и иметь свой собственный дом вдали от магазина, где ей приходилось много работать, деспотичного отца и двух младших детей, о которых она вынуждена была заботиться после смерти матери, Эвелин так и не решается подняться вслед за Фрэнком на борт судна.

Сделанный нами в рамках подготовки статьи поисковый запрос показал, что филологи и лингвисты, обращающиеся к рассказу «Эвелин», в основном заняты поиском ответов на вопросы: «Почему героиня не последовала за Фрэнком?» и «Почему Эвелин не покинула Ирландию?» В следующих разделах позиции разных авторов будут рассмотрены более подробно.

Тема феминизма

По нашему мнению, в рассказе «Эвелин» практически каждое слово символично (например, слова «окно», «вечер», «проспект», «вторгаться», «занавески», «запах пыльного кретона» в двух первых предложениях), поэтому далее мы проанализируем только те фрагменты текста, которые представляются нам наиболее неоднозначными в плане истолкования основной темы рассказа. Прежде всего обратимся к названию и покажем важность имени заглавного персонажа – Эвелин.

В словаре личных имен [Рыбакин, 2000] зафиксировано несколько вариантов имени *Evelin*. В первую очередь отметим его связь с библейским именем *Eve*, принадлежавшим первой женщине и имевшим в древнееврейском значение «жизнь». Обратим внимание на наличие в современном английском языке имен *Evelina* (из романа

Ф. Берни «Эвелина или выход в свет молодой леди», 1778), *Eveline* (действующее лицо в романе В. Скотта «Антикварий», 1816), но самое для нас важное – это имя *Eveleen*, которое является производным от библейского *Eve*. Предположительно в рассказе могут актуализироваться следующие значения, связанные с образом главной героини: «женщина», «жизнь», «новая жизнь», «старая жизнь».

В научной литературе рассказ «Эвелин» часто называют феминистским произведением, предвестником начала борьбы женщин Ирландии за свои права, отмечается, что героиня репрезентирует характерную для того времени модель семейных отношений, в соответствии с которой на женщину накладывается множество обязанностей, в результате чего она попадает в замкнутый круг, который невозможно разорвать [Feminism in ..., 2023; Kuparadze, 2012]. Следующие примеры показывают, что проблема роли женщины в католическом обществе прошлого века стоит в рассказе действительно остро.

*She looked round the room, reviewing all its familiar objects which she had **dusted** once a week for so many years, wondering where on earth all the **dust** came from. <...> she had to **work hard**, both in the house and at business. <...> She had **hard work to keep the house together** and to see that the **two young children** who had been left to her charge went to school regularly and got their meals regularly¹ (с. 25–26). (Она оглядела комнату, останавливая взгляд на каждом предмете, который она столько раз протирала, удивляясь, откуда берется вся эта пыль. <...> ей приходилось много работать как по дому, так и в магазине. <...> Ей было тяжело вести хозяйство и следить за тем, чтобы двое детишек, оставленных на ее попечение, не пропускали школу и регулярно питались².)*

Помимо того, что слова *dust* («пыль» / «собирать пыль»), *hard* («тяжелый»), *two young children left to her charge* («двоих маленьких детей на ее попечении») актуализируют тему тягот жизни женщины, важную роль в данном отрывке играет словосочетание *familiar objects* («привычные предметы»), указывающее на привязанность девушки к родному дому. В свою очередь, слово «пыль» можно рассматривать как символ, транслирующий различные зна-

¹ Здесь и далее англоязычный текст приводится по изданию: Joyce J. Dubliners. Feedbooks (1914). – URL: <https://ebook-mecca.com/online/James%20Joyce%20Dubliners.pdf>

² Здесь и далее перевод наш. – Е.К., М.В.

чения в зависимости от культуры и эпохи: от «неизбежности смерти» до «смирения» и «обновления»¹. Таким образом, в данном отрывке представлены три темы: судьба простой женщины, роль дома (шире – прошлого) в жизни человека, а также проблемы жизни и смерти. Подчеркнем, что все названные темы соотносятся с установленными ранее значениями имени *Evelin*.

Необходимость жить с оглядкой на мнение других стала еще одной причиной, по которой Эвелин мечтала покинуть родной город.

What would they say of her in the Stores when they found out that she had run away with a fellow? Say she was a fool, perhaps <...> Then she would be married – she, Eveline. People would treat her with respect then. She would not be treated as her mother had been (c. 26). (Что скажут в магазине, когда узнают, что она бежала с парнем? Наверное, скажут, что она поступила глупо <...> И она выйдет замуж – она, Эвелин. К ней будут относиться с уважением, а не так, как относились к ее матери.)

В данном фрагменте тема феминизма увязывается с существующими в разных обществах стереотипами, согласно которым женщина достойна уважения только при условии, что она состоит в законном браке, свидетельство чему слова *What would they say of her* («что про нее скажут»), *run away with a fellow* («бежать с мужчиной»), *she would be married* («она будет замужем»), *would treat her with respect* («станут относиться к ней с уважением»), *would not be treated as her mother* («не будут обращаться с ней, как с ее матерью»).

Вопросы «Почему...?»

Обсуждая причины, по которым Эвельин не решилась последовать за Фрэнком, критики выдвигают три основных предположения, полагая, 1) что девушка не могла оставить единственное место, которое было ей знакомо; 2) что на нее давили религиозно-нравственные причины; и 3) что в глубине души она не доверяла Фрэнку.

О первой причине, в частности, пишут М. Кавалир и Г. Ку- парадзе [Kavalir, 2016; Kuparadze, 2012] со ссылкой на следующие строки: *In her home anyway she had shelter and food; she had those*

whom she had known all her life about her (с. 26). (Так или иначе, дома у нее была крыша над головой и еда, и те, кого она знала всю свою жизнь.) На нежелание покидать родной дом указывает также следующее предложение: *Perhaps she would never see again those familiar objects from which she had never dreamed of being divided* (с. 25). (Возможно, она больше не увидит эти знакомые предметы, с которыми она никогда не собиралась расставаться.)

Заметим, что слово «дом» употребляется в рассказе 10 раз. В одном из контекстов родной дом героини противопоставляется тому дому, который, возможно, ждет ее другой стране: *But in her new home, in a distant unknown country, it would not be like that* (с. 26). (Но в ее новом доме, в далекой и неизвестной стране, все будет совсем не так.)

Важным в плане актуализации одновременно нескольких тем является, на наш взгляд, следующее предложение: *Frank was very kind, manly, open-hearted. She was to go away with him by the night-boat to be his wife and to live with him in Buenos Ayres where he had a home waiting for her* (с. 27). (Фрэнк был очень добрым, мужественным, открытым. Ей было суждено уехать с ним ночным паром, чтобы стать его женой и жить с ним в Буэнос-Айресе, где у него был дом, который ждал ее.) Комментируя цитату, обратим внимание, во-первых, на несколько идеалистическое описание Фрэнка; во-вторых, на то, что для отъезда был выбран ночной паром, как если бы героиня стыдилась своего намерения уехать; в-третьих, на использование неопределенного артикля со словом «дом», акцентирующего идею неизвестности и ставящего под сомнение само наличие дома (в далекой стране). Таким образом, в отрывке поднимаются тема нравственности, выраженная через стремление героини скрыть свой «неблаговидный» поступок, и тема недоверия к Фрэнку, выраженная посредством сочетания неопределенного артикля со словом «дом».

В свете проблемы религии и нравственности интересен анализ рассказа в психоаналитическом ключе, когда диалоги и внутренние монологи персонажей рассматриваются как поток сознания, и считается, что в основе решений, принимаемых человеком, лежит его предшествующий опыт, связанный с полученными ранее психологическими травмами [Евстигнеева, 2019; Sarker, 2017]. На наличие у девушки предыдущего травматического опыта указывают, в частности, следующие слова: *Her father was not so bad then; and besides, her mother was alive <...> Even now, though she was over nine-*

teen, she sometimes felt herself in danger of her father's violence (с. 26). (В те времена ее отец был не так ужасен, и ее мать была жива <...> Даже сейчас, когда ей уже исполнилось девятнадцать, она иногда чувствовала, что может стать жертвой насилия со стороны отца.)

В религиозно-нравственном контексте символическую значимость приобретает город Буэнос-Айрес, имевший в начале прошлого столетия репутацию места, куда моряки обманом заманивали европейских женщин, которые затем оказывались в аргентинских борделях. Другим религиозным символом рассказа является гравюра Маргариты Марии Алакок, почитаемой в католическом мире в качестве хранительницы благочестия и домашнего уюта. Примечательно, что данная репродукция располагается в доме Эвелин рядом с пожелтевшей фотографией священника, который уехал в Мельбурн, и больше про него никто не слышал: *And yet during all those years she had never found out the name of the priest whose yellowing photograph hung on the wall above the broken harmonium beside the coloured print of the promises made to Blessed Margaret Mary Alacoque* (с. 25–26). (За все эти годы она так и не узнала имени священника, чья пожелтевшая фотография висела на стене над сломанной фисгармонией рядом с цветной репродукцией, изображающей святую Маргариту Марию Алакок, которой Иисус оставил свои святые обещания.) Ключевыми в данном отрывке являются, на наш взгляд, слова *broken harmonium* и *promises*. Тот факт, что фотография всеми позабытого священника висела над поломанным музыкальным инструментом, может рассматриваться как плохое предзнаменование, равно как и гравюра, напоминавшая Эвелин об обещании заботиться о семье, которое девушка дала своей покойной матери.

В плане скрытого недоверия, испытываемого Эвелин по отношению к Фрэнку, интересно рассмотреть семантику имени. *Frank*, полное *Francis* – от позднелатинского «свободный», является также омонимом английского слова *frank* («искренний», «открытый»). При том, что значение ‘открытый’ лежит на поверхности, тогда как для выявления этимологического (подлинного) значения имени необходимо обращение к справочной литературе, можно предположить по аналогии, что внешность молодого человека не вполне отражала его суть и, несмотря на видимую искренность, он вполне мог оставить Эвелин по прибытии в Аргентину, променяв ее на свободу.

Наиболее сильной позицией в тексте является его финал, в котором фиксируется ситуация невозможности принятия героиней решения. Приведем его с некоторыми сокращениями:

<...> *she prayed to God to direct her, to show her what was her duty.* <...> *If she went, tomorrow she would be on the sea with Frank, steaming towards Buenos Ayres.* <...> *Could she still draw back after all he had done for her? Her distress awoke a nausea in her body and she kept moving her lips in silent fervent prayer.*

A bell clanged upon her heart. She felt him seize her hand: "Come!"

All the seas of the world tumbled about her heart. He was drawing her into them: he would drown her. She gripped with both hands at the iron railing. "Come!" No! No! No! It was impossible. Her hands clutched the iron in frenzy. Amid the seas she sent a cry of anguish.

"Eveline! Evvy!" He rushed beyond the barrier and called to her to follow. <...> *She set her white face to him, passive, like a helpless animal. Her eyes gave him no sign of love or farewell or recognition* (с. 28–29). (Она молила Бога направить ее, показать, в чем ее долг. <...> Если она решится, то завтра она будет в море, направляясь вместе с Фрэнком в Буэнос-Айрес. <...> Имеет ли она право отступить после всего, что он для нее сделал? От эмоционального напряжения подступала тошнота, но она продолжала отчаянно бормотать себе под нос молитву. Где-то внутри будто послышался звук колокола. Она почувствовала, как Фрэнк схватил ее за руку. «Пойдем!». Все моря мира обрушились на нее. Она вцепилась обеими руками за стальные перила. Он ее потопит. «Пойдем!». Нет, нет, нет. Это было невозможно. В приступе безумия она хваталась руками за сталь. Над морем раздался крик ее израненной души. Он перепрыгнул через барьер и продолжал выкрикивать ее имя. <...> Она повернула к нему свое бледное, лишенное выражения лицо, как у беспомощной зверушки. В глазах не было ни любви, ни желания проститься, ни признаков разума.)

Процитированный отрывок может стать предметом самостоятельного исследования, в том числе в переводческом аспекте, при этом характер перевода будет зависеть от выбранной интерпретации. Не пытаясь выдвигать предположения относительно намерений Фрэнка и скрытых желаний главной героини, рассмотрим финальную сцену сквозь призму текстовых оппозиций; такой подход позволяет, на наш взгляд, дать относительно объек-

тивную оценку главного события рассказа, порожденного неспособностью девушки принять решение.

Прежде всего отметим важную роль в приведенном отрывке образов колокола и моря. Колокол рассматривается в христианстве как призыв к вере, возможно, именно маловерие не позволяет героине понять свой истинный долг. Образ моря неоднозначен и в сознании героини увязывается со смертью, что выражено словами *He would drown her* (Он ее утопит). В сознании Фрэнка море, скорее всего, ассоциируется с вольной жизнью, в которую он приглашает свою возлюбленную. В данном контексте напомним об этимологии двух имен *Francis* («свобода») и *Evelin / Eveleen* («жизнь»).

При анализе текста обращает на себя внимание еще одна текстовая оппозиция, а именно между повторяющимся призывом *Come!* как попыткой со стороны Фрэнка показать героине, что ее путь – свобода, и Богом, пославшим ей звук колокола как призыв к вере. Тот факт, что героиня не смеет ступить на борт корабля, который, как говорилось выше, является символом спасения в христианстве и символом смерти в языческих традициях, дает основания полагать, что ей не хватает веры, несмотря на то, что она стремится к ней, и что тема религии тоже важна в рассказе.

Наличие оппозиций в финальной сцене не только указывает на противоречивость в мыслях и чувствах героини, но также и наводит на мысль о непреодолимом внутреннем конфликте, выходом из которого становится безумие. Можно предположить, что, не справившись с острыми эмоциональными переживаниями, выраженными словами *distress* («страдание»), *nausea in her body* («тошнота в теле»), героиня теряет рассудок, свидетельство чему также слова *frenzy* («безумие»), *anguish* («боль»), *a helpless animal* («беспомощное животное»), *no sign of recognition* («ни признака узнавания»). На пограничное психическое состояние героини указывает также ее местоположение: она остается на берегу, двумя руками цепляясь за перила (*gripped with both hands, clutched the iron* – «цеплялась обеими руками», «хваталась за сталь»), не смея ступить на корабль и не имея душевных сил вернуться домой. Привлекаемые в отрывке слова *bairier* и *i'gon* также имеют символический смысл, указывая на то, что дома все прочно и надежно, а за границей – неопределенно и опасно.

В свете того, что героиня так и не покинула Ирландию, обратим внимание на форму повествования, которое, судя по формальным

признакам, ведется от третьего лица, оставаясь при этом внутренним монологом главной героини. В результате создается впечатление, что вся история представляет собой не столько рассказ о несчастной судьбе девушки, сколько что-то вроде записи из личного дневника, обнаруженного после гибели автора. Отметим также повторяющуюся форму сослагательного наклонения *would* во внутреннем монологе, указывающую, как нам кажется, на несбыточность задуманного.

Подводя итоги, отметим, что при переводе финального отрывка мы исходили именно из предположения о том, что, не справившись с эмоциональными переживаниями в ситуации принятия сложного решения, Эвелин утратила рассудок. Другие интерпретации финала неизбежно приведут к другим акцентам в переведенном тексте.

Заключение

В проведенном исследовании была предпринята попытка рассмотреть разные интерпретации рассказа Дж. Джойса «Эвелин» на основе нарративного подхода к его анализу. Сочетание в рамках выбранного подхода методов нарративного и лингвистического анализа позволило выдвинуть предположение о том, что необходимость принятия жизненно важного решения, связанного с выбором между долгом перед семьей и возможностью начать новую жизнь, стала значительно большим испытанием для героини, нежели все пережитые ею когда-либо трудности. Навязчивые мысли оказались на психическом здоровье девушки, доведя ее до умопомешательства. Такой вывод подкрепляется как структурным анализом, позволяющим установить роль текстовых оппозиций в актуализации ее психического состояния, так и анализом отдельных единиц художественного ономастикона, показавшим, что имена главных героев противопоставлены по семантическому признаку и указывают на конфликт между ними, тогда как топоним *Буэнос-Айрес*, символизирующий неизвестный и пугающий мир, противопоставлен в сознании главной героини ее надежному *дому* в католической Ирландии, что указывает на наличие также внутреннего конфликта. В отношения оппозиции вступают и многочисленные символы из рассказа. Наиболее важной текстовой оппозицией является «море – берег», где берегemarkирован стальными перилами и ассоциируется с домом. Символичность составляющих элементов

оппозиции указывает на важность темы неопределенности грани между жизнью и смертью, верой и неверием, свободой и долгом.

В завершение отметим, что художественный перевод «открытых» текстов, к которым относятся все рассказы Дж. Джойса, является исключительно сложной задачей, поскольку при работе с такими текстами переводчик вынужден принимать решения, дающие читателю возможность самому делать выводы о прочитанном, возможно, оставляя невысказанный свою собственную интерпретацию.

Список литературы

- Галимова Е.Ш.* Образ – архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 80–87.
- Глазкова А.В., Чабыкина Д.С.* Лингвопрагматические особенности современного художественного нарратива на материале рассказа «Scène» А. Роб-Грийе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 8. – С. 2617–2623.
- Дударева М.А.* Архетипический комплекс корабля в русской литературе: мортальный подтекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 42–49.
- Евстигнеева Л.В.* Синтаксическая структура текстов «потока сознания» как составляющая интерпретационной программы // Studia Linguistica (Санкт-Петербург), 2019. – № 28. – С. 161–162.
- Кудряшов И.В., Пяткин С.Н.* Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) // Научный диалог. – 2020. – № 12. – С. 151–162.
- Мадикова Л.В.* Интерпретация семантики «корабельных сюжетов» в иконографии Русского Севера // Журнал института наследия. – 2021. – № 1(24). – С. 7.
- Мальцева Е.А.* Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12KLSK122.pdf>
- Маслов Е.С.* Что такое нарратив? – Казань : Изд-во Казанского университета, 2020. – 116 с.
- Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. – Москва : Книгодел, 2019. – 504 с.
- Рыбакин А.И.* Словарь личных имён: 4000 имён. – Москва : Русский язык, 2000 – 224 с.
- Селютина Е.А., Субботина А.А.* Мнемический нарратив в структуре художественного текста (на примере вербатим-текстов) // Вестник Челябинского государственного университета: 2021. – № 4(450). – С. 123–128.
- Эко У.* Поэтики Джойса / пер. с итал. А. Коваля. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 496 с.
- Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2007. – 502 с.

- Feminism in the short story “Eveline” by James Joyce / Girsang M., Situmorang L., Situngkir D. Elpride I., Simangunsong Y. // Journal on Education. – 2023. – Vol. 5. – P. 9672–9677.
- Joyce J. Dubliners: text, criticism, and notes / ed. by R. Scholes and A. Walton Litz. – New York : Penguin Publishing Group, 1996. – 512 p.
- Kavalir M. Paralysed: a systemic functional analysis of James Joyce’s “Eveline” // ELOPE. – 2016. – Vol. 13(2). – P. 165–180. – DOI: 10.4312/elope.13.2.165-180
- Kuparadze G. Intertextual and stylistic in James Joyce's Eveline // Collected Papers of International Conference English Department of Ivane Javakhishvili. – Tbilisi : Tbilisi State University and James Joyce Association of Georgia, 2012. – P. 107–114.
- Rabiega K., Kobylinski Z. The symbolic role of boats and ships in pagan and Christian Medieval Northern Europe. – Warsaw : Institute of Archaeology, Cardinal Stefan Wyszyński University, 2018. – 229 p.
- Sarker P.C. ‘Passive, like a helpless animal’: a psychoanalytic study of Eveline in James Joyce’s “Eveline” // Veda’s Journal of English Language and Literature-JOELL. – 2017. – Vol. 4, N 4 – P. 148–153.

References

- Galimova, E.Sh. (2012). Obraz – arhetip morya v hudozhestvennom prostranstve Severnogo teksta russkoj literatury [Archetypal Image of the sea in the art space of the Northern text of Russian literature]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 3, 80–87.
- Glazkova, A.V., Chabykina, D.S. (2022). Lingvopragmatische osobennosti sovremennoho hudozhestvennogo narrativa na materiale rasskaza “Scène” A. Rob-Grije [Linguoprismatic Features of the Modern Literary Narrative by the Material of the Short Story “Scène” by A. Robbe-Grillet]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 15(8), 2617–2623. DOI: 10.30853/phil20220416
- Dudareva, M.A. (2018). Arhetipicheskij kompleks korablya v russkoj literature: mortal'nyj podtekst [The archetypal complex ship in Russian literature: mortal subtext]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 23(1), 42–49. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-42-49
- Evstigneeva, L.V. (2019). Sintaksicheskaya struktura tekstov “potoka soznaniya” kak sostavlyayushchaya interpretacionnoj programmy [The syntactic structure of the “Stream of consciousness” texts as a component of their program of interpretation]. *Studia Linguistica (Sankt-Peterburg)*, 28, 161–162.
- Kudryashov, I.V., Pyatkin, S. N. (2020). Otchego sdohla kanarejka? (Sergej Esenin o Nikole Klyueve) [Why Did the Canary Die?]. *Nauchnyj dialog*, 12, 151–162. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162
- Madikova, L.V. (2021). Interpretaciya semantiki “korabel’nyh syuzhetov” v ikonografii Russkogo Severa [Interpretation of the semantics of “ship plots” in the iconography of the Russian North]. *Zhurnal Instituta Naslediya*, 1(24), 7. DOI: 10.34685/HL2021.71.75.007
- Mal’ceva, E.A. (2022). Simvolika i smysly obrazza zheleznoj dorogi v hudozhestvennoj kul’ture Rossii: koncepty “put”, “doroga”. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul’turologiya*, 13(1). Retrieved from: <https://sfk-mn.ru/PDF/12KLSK122.pdf>

- Maslov, E.S. (2020). *Chto takoe narrativ?* [What is narrative]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta.
- Ptica kak obraz, simvol, koncept v literature, kul'ture i yazyke* [Birds as images, symbols, concepts in literature, culture, language] (2019). Moscow: Knigodel.
- Rybakin, A.I. (2000). *Slovar' lichnyh imen: 4000 imen*. Moscow: Russky yazyk.
- Selyutina, E.A., Subbotina, A.A. (2021). Mnemicheskij narrativ v strukture hudozhestvennogo teksta (na primere verbatim-tekstov) [Mnemonic narrative in the structure of a literary text (by the example of verbatim texts)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(450), 123–128. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10417
- Eko, U. (2006). *Poetiki Dzhojsa* [Joyce's poetics]. Saint-Petersburg: Simpozium.
- Eko, U. (2007). *Rol chitateliya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader: explorations in the semiotics of texts]. Saint-Petersburg: Simpozium.
- Girsang, M., Situmorang, L., Situngkir, D. Elpride, I., Simangunsong, Y. (2023). Feminism in the Short Story “Eveline” by James Joyce. *Journal on Education*, 5, 9672–9677.
- Joyce, J. (1996). *Dubliners: text, criticism, and notes*. Edited by R. Scholes and A. Walton Litz. New York: Penguin Publishing Group.
- Kavalir, M. (2016). Paralysed: a systemic functional analysis of James Joyce’s “Eveline”. *ELOPE*, 13(2), 165–180. DOI: 10.4312/elope.13.2.165-180
- Kuparadze, G. (2012). Intertextual and stylistic in James Joyce’s Eveline. In *Collected Papers of International Conference English Department of Ivane Javakhishvili* (pp. 107–114). Tbilisi: Tbilisi State University and James Joyce Association of Georgia Tbilisi.
- Rabiega, K., Kobylinski, Z. (2018). *The symbolic role of boats and ships in pagan and Christian Medieval Northern Europe*. Warsaw: Institute of Archaeology, Cardinal Stefan Wyszyński University.
- Sarker, P.C. (2017). ‘Passive, like a helpless animal’: a psychoanalytic study of Eveline in James Joyce’s “Eveline”. *Veda’s Journal of English Language and Literature-JOELL*, 4(4), 148–153.

Сведения об авторах

Косиченко Елена Федоровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Россия, Москва, ekosichenko@gmail.com

Вовк Марина Витальевна – старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Россия, Москва, VovkMV@mpei.ru

About the authors

Kosichenko Elena Fedorovna – Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor, Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Russia, Moscow, ekosichenko@gmail.com

Vovk Marina Vitalievna – senior lecturer at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Russia, Moscow, VovkMV@mpei.ru